

СТАТЬИ

З.В. Ивановский

Z. Iwanowski

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)

CONSTITUTIONAL REFORMS IN LATIN AMERICA AND THEIR POLITICAL CONSEQUENCES (END OF XX - BEGINNING OF XXI CENTURY)

Аннотация

В статье рассматривается законотворческий процесс в странах Латинской Америки в условиях демократического транзита, анализируются процедура принятия новых конституций и их основное содержание, выделяются общие характеристики Основных законов и их национальные особенности.

Большое внимание уделяется и характеристике реально существующих политических режимов, которые в силу целого ряда объективных и субъективных факторов далеко не всегда соответствуют прописанным в конституциях моделям и находятся в состоянии постоянной эволюции. Ее результаты далеко не однозначны: в некоторых странах речь идет о расширении политического плюрализма и поисках консенсуса, в других сохраняются и даже усиливаются авторитарные тенденции. В итоге действующее законодательство нередко носит формальный характер. Нередко имеет место и обратный процесс: пришедшие к власти демократическим путем популистские лидеры добиваются проведения конституционной реформы в своих интересах.

Ключевые слова:

демократический транзит, конституционный процесс, политический режим, формы государственного устройства, политическая культура.

Abstract

The article discusses the legislative process in Latin America in terms of democratic transition and analyzes the proceedings for the adoption of new constitutions and their main contents, some common characteristics of the basic laws and their national particularities.

Much attention is paid to the characteristics of existing political regimes, which due to a number of objective and subjective factors not always correspond to the models, reflected in the constitutions, and are in a constant state of evolution. The results are heterogeneous: some countries are expanding political pluralism and are searching for national consensus, in other ones authoritarian tendencies are still strong and even are increasing. As a result, the existing legislation is often of a formal character. Sometimes there is a reverse process: populist leaders, who came to power by democratic way, are pressing for constitutional reforms to their advantage.

Key words:

transition to democracy, constitutional process, political system, forms of government, political culture.

Современный законотворческий процесс в Латинской Америке напрямую связан с демократическим транзитом, который закрепил создание новых политических институтов и определил условия их функционирования. Как справедливо указывает боливийский исследователь У.С.Ф. Мансилья, хотя текст конституции, каким прогрессивным бы он ни был, сам по себе, не решит структурные проблемы страны, он может способствовать укреплению социального мира, модернизации политических институтов и норм, непосредственно связанных с государственным аппаратом [38, с. 10]. Именно правовое поле, несмотря на известную формальность, определяет совокупность представительных органов власти, гарантирует свободные и альтернативные выборы и возможность обновления или даже смены политических элит по воле граждан, обеспечивает идеологический и политический плюрализм, открывает возможности для цивилизованного выхода в случае возникновения политических кризисов и конфликтов.

После ликвидации военно-диктаторских режимов в 1980-е годы как в новых демократиях, так и в странах, избежавших авторитарного правления, назрела необходимость пересмотра существовавшей законодательной базы. В ряде случаев были восстановлены или взяты за основу конституции, действовавшие до военных переворотов, в Центральной Америке и в Парагвае демократические институты фактически приходилось создавать заново. Новые конституции вступили в силу в Гондурасе (1982 г.), Сальвадоре (1983 г.), Гватемале (1985 г.), Суринаме (1987 г.), на Гаити (1987 г.), в Никарагуа (1987 г.), Бразилии (1988 г.), Колумбии (1991 г.), Парагвае (1992 г.), Перу (1993 г.), Аргентине (1994 г.), Уругвае (1997 г.), Эквадоре (1998 г.), Венесуэле (1999 г.), Доминиканской Республике (2010 г.). Существенно реформированы Основные законы Панамы (1978, 1983 и 1994 гг.), Никарагуа (1995, 2000 и 2005 гг.), Боливии (1994, 2002, 2004 и 2005 гг.), Гватемалы (1993 г.), Бразилии (1997 и 2005 гг.), Сальвадора (2000 г.), Уругвая (2004 г.), Колумбии (2005 г.) и особенно Чили (1989, 1991, 1997, 2000 и 2005 гг.). В последнее время конституции, радикально пересмотревшие основные общественные устои, одобрены на всенародных референдумах в Эквадоре в сентябре 2008 г. и в Боливии в январе 2009 г. Формально самая старая из ныне действующих – мексиканская Конституция

1917 г., однако за прошедшие десятилетия и в этот документ было внесено несколько сотен поправок.

В большинстве стран проект конституции разрабатывался специальными комиссиями, включающими представителей разнородных политических сил и социальных движений, обеспечено активное участие граждан в его обсуждении, широко использовались печатные и электронные СМИ. Члены специально избранных Конституционных ассамблей обсуждали и принимали тексты конституций постатейно и в ходе продолжительных дебатов. Впоследствии эти документы были одобрены на всенародных референдумах. После вступления новых конституций в силу стало очевидным, что Основной закон не должен включать множества деталей, которые могут найти отражение в органическом или текущем законодательстве, на тексте конституции не должны сказываться конъюнктурные и краткосрочные интересы. Церемония принятия конституции должна стать всеобщим праздником, который сохраняется в исторической памяти народа.

С точки зрения соблюдения процедур в качестве положительного примера можно привести конституционные процессы в Бразилии и Колумбии. Так, в Бразилии проект конституции был разработан специальной комиссией в составе известных юристов, политологов, экономистов, представителей предпринимательских кругов и профсоюзов. Избранная на основе всеобщего и тайного голосования Конституционная ассамблея отражала весь политический спектр общества. Исходный документ вызвал серьезную критику и дорабатывался в тематических комиссиях. Во время всенародного обсуждения проекта было внесено более 10 тыс. предложений. В результате народной инициативы в тексте нашли отражение 122 поправки. Проект Основного закона обсуждался и принимался Конституционной ассамблеей постатейно. Каждый гражданин получил один экземпляр конституции бесплатно [16, с. 48-49; 26].

В Колумбии идея конституционной реформы была выдвинута студенческим движением и одобрена на общенациональном референдуме при поддержке более 90% избирателей, принявших участие в голосовании. В Конституционной ассамблее впервые за всю историю страны была нарушена политическая монополия двух традиционных партий: по итогам голосования правящая в то время Либеральная партия получила 33,7% голосов и 25 из 74 мест, а Консервативная – только 6,8% и пять

мест. Неожиданно большого успеха добился Демократический альянс М-19, созданный на базе одной из леворадикальных военно-политических организаций, прекративших вооруженную борьбу (25,7% голосов, 19 мест). Кроме того, в ассамблее были представлены традиционные левые, христианские общины, индейское население и бывшие партизанские организации (Народно-освободительная армия, Революционная партия трудящихся и Движение им. Кинтина Ламе). Политические партии, общественные организации и рядовые граждане активно участвовали в обсуждении проекта [35, с. 85-86; 3, с. 6-7; 34, с. 47-48]. Созыв Конституционной ассамблеи и принятие нового Основного закона при соблюдении всех демократических норм в значительной степени способствовали стабилизации страны и политической системы в целом. (К сожалению, впоследствии в результате негативного воздействия целого ряда факторов ситуация в стране вновь обострилась.) апротив, в Парагвае практически полная гегемония в Конституционной ассамблее правящей Партии Колорадо, генетически связанной с диктатурой А. Стресснера, относительная слабость и фрагментация оппозиции не позволили в полной мере обеспечить политический плюрализм. Еще более сложная ситуация сложилась в Перу, где конфликт между законодательной и исполнительной властью был разрешен посредством президентского переворота, а Конституционную ассамблею бойкотировало большинство политических партий. Во время референдума избиратели приняли проект конституции незначительным большинством, против высказались 14 из 25 департаментов [11, с. 200; 13, с. 54].

В Венесуэле во время всенародного референдума абсолютное большинство избирателей поддержали предложение президента У.Чавеса об избрании Национальной конституционной ассамблеи, из-за сложившейся конъюнктуры за рамками процесса оказались все оппозиционные силы. Преобладание сторонников У. Чавеса в ассамблее облегчило и упростило задачу президента, сломавшего существовавшую политическую систему [4, с. 34-53].

Сходная тактика применялась и в Эквадоре и Боливии. Лидеры этих государств стремились юридически закрепить основные положения «социализма XXI века» и навязать свою политическую гегемонию, многие решения «продавливались» при помощи административного ресурса. В Боливии проект конституции дебатировался в Конституционной

ассамблее в течение августа 2006 – декабря 2007 года. В октябре 2008 г. под давлением оппозиции и по согласованию с Национальным конгрессом в текст были внесены поправки. На общенациональном референдуме 25 января 2009 г. за предложенный проект проголосовали 61,4% избирателей [18]. 7 февраля 2009 г. на митинге своих сторонников в г. Эль-Альто президент Э. Моралес заявил о вступлении конституции в силу [15]. Как и в Венесуэле, в этих Андских странах конституционные процессы пользовались поддержкой массовых социальных движений, прежде всего, индейского населения, требовавшего более полной интеграции в общество и более активного участия в политической жизни. В обоих случаях реформирование Основных законов вызвало резкую поляризацию электората и массовые протесты оппозиции, выступающей против стремления руководителей страны радикально изменить существующую политическую систему в результате резкого усиления роли государства, ограничения частной собственности и обеспечения прав коренных народностей, проповедующих лозунги «индейского расизма». В Боливии недовольство более развитых регионов с преобладающим белым населением вызвало сепаратистские тенденции. В конечном счете, новая конституция не смогла преодолеть региональные и этнические различия и обеспечить национальное единство, в стране сохраняется перманентная нестабильность. Как в Боливии, так и в Эквадоре значительная часть населения связывает с конституционными реформами завышенные социальные ожидания. Несмотря на широкие социальные гарантии и поддержку большинства населения, во всех трех случаях речь идет об усилении авторитарных тенденций, несомненный отпечаток на конституционные процессы налагают личностные качества президентов и их популистская политика.

Процедура принятия конституций не может не отразиться и на их содержании. До конституционных преобразований преобладавшие в регионе президентские республики характеризовались дисбалансом властных полномочий и чрезмерной их концентрацией в руках исполнительной власти. По образному выражению аргентинского политолога К.С.Нино, президент становился избранным королем, его должность была демократичной по форме, однако абсолютистской по содержанию [32, с. 165]. На практике широкие конституционные полномочия президента усиливались гипертрофированным развитием института чрезвычай-

чайного и осадного положения, слабостью политических партий и нестабильностью партийных систем, высокой степенью централизации вертикали власти, политической активностью вооруженных сил, фактической неподконтрольностью кабинета министров конгрессу. Персонализации власти способствовали и особенности политической культуры. Пост главы государства чаще занимался в результате государственных переворотов, а не по итогам выборов. Важную роль играли созданные при президенте политические структуры (Советы национальной безопасности, Администрация президента, Президентские советы и др.)

При декларированном принципе разделения властей главы государств наделялись широкими законодательными полномочиями и издавали большое количество нормативных актов. Крайне широко использовался принцип президентского вето как по отношению к принятым парламентами законам в целом, так и к отдельным разделам и параграфам. Многие главы государств могли вмешиваться в деятельность судебной власти, влиять на формирование состава высших судебных органов и отправлять неугодных судей в отставку, создавать собственные вертикальные структуры, назначать губернаторов, которые в свою очередь назначали алькальдов (мэров) и других представителей местной власти либо обеспечивали избрание удобных им лиц. В случае необходимости президенты имели возможность относительно легко распустить парламент.

В результате конституционных реформ в ибероамериканских странах сохранилась президентская форма правления, но в большинстве случаев полномочия глав государств были значительно урезаны. Произошла децентрализация управления и обеспечена автономия (особенно финансовая) местных органов власти, более демократичным стало электоральное законодательство. Повысилась роль и эффективность парламентов, которые стали центром дебатов по ключевым проблемам развития, заметно активизировалась их законотворческая деятельность, усилился контроль парламентариев над исполнительной властью.

Ослаблению властных полномочий главы государства способствовала и смена экономической модели, прежде всего, фактическое прекращение государственного вмешательства в экономику и приватизация госсектора. Благодаря упрощенному механизму импичмента или в результате массовых акций протеста за последние десятилетия досрочно прекратили свои полномочия 16 глав государств [9, с. 27]. Несмотря на усиление

политической нестабильности во всех случаях смена власти в целом происходила в соответствии с конституционными нормами, что нельзя не считать успехом латиноамериканской демократии (исключение составляет только смещение президента М. Селайи в Гондурасе в 2009 г., неоднозначная оценка дается и отставке Ф. Луго в Парагвае в 2012 г.).

Конституционные реформы учитывали и национальную специфику. Колумбийская конституция значительно ограничила чрезвычайные полномочия главы государства, введение которых отныне требует согласия конгресса. Лимитированы и возможности президента проводить собственную финансовую политику, поскольку соответствующие институты получили значительную автономию. Укреплены полномочия демократически избираемых органов власти. Сняты какие-либо ограничения на деятельность политических партий и средств массовой информации. Армия поставлена под полный контроль правительства. Гарантируется секуляризация общества. С особой тщательностью зафиксированы права человека, включая гражданские, политические, социально-экономические и культурные. Разработаны механизмы непосредственного участия граждан в решении наиболее актуальных вопросов [21]. В результате реформы колумбийский режим, по крайней мере, *de jure*, превратился из ограниченной демократии в плюралистическую представительную демократию с элементами партисипации [6].

Конституционные поправки, принятые в начале 1990-х годов в Чили, лишили президента возможности назначать алькальдов (мэров), которые отныне избираются всеобщим голосованием. Значительно расширены административные и финансовые полномочия местных органов власти, сведены к минимуму возможности вмешательства армии в политику [44, с. 307]. Окончательную черту под авторитарным наследием подвела реформа 2005 г., в результате которой в Конституцию 1980 г. внесено 58 поправок. Срок полномочий президента сокращен с шести до четырех лет без права переизбрания, упразднен институт назначаемых пожизненно сенаторов, главе государства предоставлена возможность назначать и опрашивать в отставку главнокомандующих родами войск и корпуса карабинеров (полиции). Совет национальной безопасности отныне ограничивается консультативными функциями, изменены механизмы введения чрезвычайного положения, усилены финансовые полномочия конгресса [31].

Для нейтрализации вмешательства военных во внутривнутриполитическую жизнь, выступавших в течение длительного периода в качестве антисистемного фактора, новые конституции создали условия для установления полного гражданского контроля над вооруженными силами и обеспечили деполитизацию армии. В ряде стран военные, находящиеся на действительной службе, лишены права голоса и не могут вступать в политические партии и социальные движения, силовые структуры возглавляют гражданские лица. Новая военная доктрина аннулирует репрессивные функции вооруженных сил и сводит их роль к защите национального суверенитета и территориальной целостности страны.

Напротив, конституционные реформы в Перу и Венесуэле ликвидировали верхние палаты парламента, главам государств предоставлены полномочия его роспуска, ограничены возможности политического представительства, ослаблены и контрольные функции конгресса, увеличен срок полномочий президента и предоставлено право на его повторное переизбрание. Усилению авторитарных тенденций способствовали и личностные качества тогдашнего президента Перу А. Фухимори и нынешнего президента Венесуэлы У. Чавеса.

Конституционные реформы в целом способствовали укреплению федерализма и подтвердили его историческую оправданность в крупных государствах. В Бразилии Конституция 1988 г. передала в ведение штатов охрану окружающей среды, сохранение флоры и фауны, защиту культурной самобытности и социальную интеграцию наименее обеспеченных слоев. В Аргентине после 1994 г. заметно укрепились экономические полномочия провинций. В Мексике после 1997 г. также усилилась децентрализация власти и укрепились полномочия штатов. Во всех странах постепенно снижается доля налогов, поступающих от субъектов в федеральную казну. В Венесуэле Органический закон 1989 г. передал в ведение штатов сферу образования, культуры, спорта, охрану окружающей среды, общественные работы, защиту прав потребителя и т.д., однако Конституция 1999 г. свела федеративные принципы к минимуму [30]. Как показывают центробежные тенденции в Боливии, в перспективе теоретически нельзя исключить и появления новых федеративных государств.

Латиноамериканский федерализм предусматривает приоритет федерального законодательства и участие субъектов федерации в его реформировании. В Бразилии штаты участвуют в разработке федерального

законодательства, в Мексике – в процессе ратификации конституционных реформ или внесенных Конгрессом союза поправок. В Аргентине влияние провинций опосредованно благодаря их представительству в Сенате во время одобрения необходимости соответствующих реформ, само же реформирование осуществляется специально созданным Конвентом. В Венесуэле штаты практически лишены возможности участия в конституционных реформах. Степень автономности субъектов федерации достаточно высокая в Аргентине, средняя в Бразилии и Мексике и минимальная в Венесуэле. В случае возникновения конфликтов между центром и регионами или между субъектами федерации арбитражные функции в Бразилии, Мексике и Венесуэле берут на себя высшие судебные органы, в Аргентине эти механизмы более диффузны. Участие субъектов в разработке общенациональной политики обеспечивается благодаря их представительству в верхней палате конгресса (за исключением Венесуэлы) [19, с. 121-129; 20, с. 159-167; 22, с. 115-122; 25, с. 25-28].

Политическая организация субъектов федерации определяется федеральными конституциями и конституциями самих государственных образований. Все субъекты имеют собственные законодательные собрания, исполнительную власть возглавляют избранные губернаторы, опирающиеся на административный аппарат. Система судебных органов субъектов устанавливается их конституциями, не противоречащими федеральному законодательству. В целом она однотипна и включает высший суд юстиции штата (провинции), суды первой инстанции, местных и мировых судей [20, с. 159-167].

Для составляющих подавляющее большинство унитарных государств характерны единая система высших органов государственной власти и управления и распространение их юрисдикции на всю территорию страны, наличие единого гражданства, существование единой системы права и осуществление правосудия в рамках централизованной судебной системы на основе единых норм материального и процессуального права. В составе государства отсутствуют отдельные государственные образования, административно-территориальные единицы не обладают политической самостоятельностью и не вступают в договорные отношения с центральной властью, которая передает в их ведение определенные функции и осуществляет полномасштабный контроль. Органы местного самоуправления избираются электоратом соответствующим

щей административно-территориальной единицы согласно конституции для ведения дел местного значения. Определяющим принципом современного унитарного государства становится т.н. бюрократический централизм: все управленческие структуры являются подразделениями и образуют исполнительную вертикаль. Унитарная форма государственного устройства закрепляется конституционно либо в результате прямого указания на его унитарный характер, либо косвенно в виде требования политического единства, либо подразумевается. Многие административно-территориальные единицы сложились еще в период колониальной зависимости и не всегда соответствуют социально-экономическим потребностям развития регионов.

Начиная с конца 1980-х годов в рамках реформирования государства заметно усилился курс на расширение полномочий местных органов власти. В результате политической, административной и финансовой децентрализации повысилась эффективность системы управления, улучшилось предоставление социально значимых услуг, активизировалось участие гражданского общества в принятии решений, сократились административные расходы.

В большинстве стран департаментские (провинциальные) и муниципальные органы обладают функциональной, экономической и административной автономией. Законодательство по управлению административными единицами принимается национальными парламентами, которые регулируют структуру местных органов власти, порядок их функционирования, права и обязанности. Довольно широкая автономия предоставляется городским муниципалитетам, которые имеют право собирать местные налоги, распоряжаться местными доходами, управлять предприятиями, имеющими общественную значимость.

Особая промежуточная форма территориальной организации государства сложилась после 2009 г. в Боливии. Под давлением оппозиции, требовавшей федерализации страны, контролируемая правительством Конституционная ассамблея пошла на широкую децентрализацию государства и установила четыре уровня автономии – департаментскую, районную, муниципальную и коренных народов. Автономия предполагает прямые выборы органов законодательной и исполнительной власти всех уровней, предоставляет им определенные финансовые, налоговые и законодательные права при принятии решений, при этом все террито-

риальные единицы пользуются равными конституционными правами по отношению друг к другу. Самая широкая автономия предоставляется всем 36 этносам, которым гарантируется фиксированное представительство во всех органах власти, возможность вести привычный образ жизни и руководствоваться традиционным правом. Индейским общинам предоставляются в коллективное пользование земельные, лесные и водные ресурсы [23, с. 272, 276, 289-296].

Среди других реформ заслуживает упоминания унификация административно-территориальных единиц в Перу и Колумбии – упразднение особого статуса интенданств, комиссариатов и прибрежных провинций.

Предприняты попытки расширения механизмов прямой и партисипативной (партисипаторной) демократии, предусматривающей более активное непосредственное воздействие граждан на принятие политических решений, не ограниченное участием в эпизодических электоральных процессах. По мнению известных специалистов по конституционному праву, указанная тенденция, с одной стороны, связана с кризисным состоянием партийно-политической структуры многих стран региона. Определенный вакуум политического представительства заполнили популистские лидеры различной политической ориентации. Эти политики подвергли критике (иногда крайне резкой) систему представительной демократии и попытались решить общенациональные проблемы посредством партисипации, опирающейся на прямое участие масс. С другой стороны, в ряде случаев в условиях кризиса представительства сами правящие элиты выразили готовность включить в законодательство элементы прямой демократии, чтобы «выпустить пар» и избежать коллапса демократической системы [47, с. 13-20].

Элементы партисипативной демократии включают плебисциты и референдумы, право на законодательную народную инициативу, возможность в ряде случаев отозвать избранных должностных лиц до истечения срока их полномочий и открытые слушания с участием заинтересованных лиц (*cabildo abierto*).

Механизмы прямой демократии нашли отражение в последних конституциях Аргентины, Боливии, Колумбии, Эквадора, Парагвая, Перу и Венесуэлы (в Уругвае указанная норма действует с 1934 г.), соответствующие поправки внесены в Основные законы Коста-Рики (2002), Гондураса (2004). Среди ибероамериканских стран элементы прямой демо-

кратии не нашли законодательного отражения только в Мексике и Доминиканской Республике. Тем не менее, только в 10 из 18 государств эти законы применялись на практике. Наиболее значимыми по своим последствиям стали чилийский референдум 1988 г., приведший к отставке А.Пиночета, гватемальский референдум 1999 г., касающийся мирного урегулирования вооруженного конфликта, колумбийский референдум 1990 г. о необходимости принятия новой конституции и 2003 г. о возможности переизбрания президента на второй срок, перуанский конституционный референдум 1993 г., венесуэльский конституционный референдум 1999 г. и референдум 2009 г. о возможности неограниченного переизбрания главы государства, конституционные референдумы 2006 и 2009 гг. в Боливии и 2007 и 2008 гг. в Эквадоре.

Большинство юристов дают положительную оценку использованию элементов прямой и партисипативной демократии как необходимого условия для более активного участия граждан в политике, воспитания толерантности в обществе, снижения социальной напряженности и легитимизации политической системы. В то же время нельзя не учитывать, что при сохранении острых социальных противоречий и высокой степени недоверия к политике эти инструменты нередко могут стать механизмом стихийного выражения социального недовольства, вызвать дестабилизацию страны, установление «плебисцитарной диктатуры» и «тирании большинства», манипулируемого неоавторитарными популистскими лидерами. Адекватное применение этих механизмов, подчеркивает, в частности, директор латиноамериканского отдела Международного института демократии и поддержки выборов (IDEA) Д. Соватто, предполагает наличие демократического государства, гарантирующего фундаментальные права личности, политический плюрализм, свободу выражения и информации, невозможность манипулирования общественным сознанием и обеспечивающего равные условия для обеих сторон [47, с. 40]. В любом случае прямая и партисипативная демократия могут быть лишь одной из дополнительных форм политического участия, гармонично интегрированной в систему представительной демократии.

Для политической стабильности и эффективной деятельности правительства первостепенное значение имеет разработка новых либо трансформация уже существующих государственных институтов. Большинство политологов (в том числе и такие международные авторитеты, как А.Лейпхарт,

Х.Линц, Дж. ди Пальма, С.Мейнворинг, Б.Ламунье и другие) заявляют о преимуществах парламентаризма и об опасности президентской формы правления для консолидации демократии [12, с. 6-29]. В качестве аргументов приводятся более стабильное и успешное функционирование парламентских демократий, малая вероятность конфликтов между законодательной и исполнительной властью, более пропорциональное представительство различных политических сил, гибкое реагирование на меняющуюся ситуацию, поражение большинства президентских режимов во время второй волны демократизации и т.д. [17; 32; 36; 41; 43; 45].

Число сторонников президентской формы правления в академических кругах значительно меньше (Дж. Хартлин, М. Шугарт, Дж. Кэри, Х. Лансаро и другие), однако их аргументы не могут не быть приняты во внимание. По мнению сторонников того или иного варианта президентской модели, прямая поддержка большинства избирателей придает главе государства большую легитимность и повышает его авторитет. Идентификация проводимого курса с определенной личностью и ее персональная ответственность делает политику более предсказуемой. Принцип четкого разделения властей дает возможность создать систему сдержек и противовесов и обеспечивает их взаимный контроль ветвей власти. В конфликтных ситуациях глава государства может выступать в качестве высшего арбитра. Четко ограниченные сроки полномочий президента способствуют большей стабильности политического режима. Роль сильной исполнительной власти заметно возрастает в эпоху радикальных экономических и политических преобразований, требующих нередко оперативного реагирования и принятия решений [29; 37; 42].

Выводы сторонников парламентской формы правления, основанные на богатом статистическом и эмпирическом материале, не лишены основания и кажутся особенно убедительными при изучении западноевропейского опыта. В то же время картина становится менее ясной при анализе политических систем развивающихся стран, в том числе и латиноамериканского региона. В ряде случаев и пропорциональное представительство не гарантирует участия в политическом процессе многих партий либо, напротив, позволяет экстремистским силам выдвигать условия, несовместимые с их влиянием. Маловероятна стабильность парламентской республики в условиях крайне поляризованного общества с антагонистическими интересами различных участников политического процесса.

В то же время многие президентские республики, в том числе и в Латинской Америке, несмотря на все трудности и недостатки, показали свою жизнеспособность. Даже такие известные сторонники парламентаризма, как бразильский исследователь Б.Ламунье, вынуждены признать, что замена президентской формы правления парламентской крайне затруднительна по соображениям политики и культуры [46, с. 138].

В конечном счете, становится очевидным, что нет универсальной модели политической системы, ее относительные достоинства и недостатки определяются исключительно особенностями национальной истории, культурным разнообразием, этническим составом и социально-экономическими факторами.

В зависимости от распределения полномочий между исполнительной и законодательной властью можно выделить четыре основных модели президентской формы правления. Крайне сильная президентская власть представлена гиперпрезидентством. Среди факторов, предопределяющих недостатки этой модели, можно назвать формирование правительства без поддержки населения, невозможность создания нового кабинета министров при падении популярности президента в условиях нового политического консенсуса, конфронтация между политическими партиями и конфликтные ситуации, возникающие между законодательной и исполнительной властью, препятствия на пути формирования коалиций или их политическая нецелесообразность, крайняя степень персонификации власти и т.д. [32, с. 161-174].

Чрезмерные полномочия президента отнюдь не являются гарантией прочности режима и не препятствуют совершению государственных переворотов, если на посту главы государства в силу тех или иных причин оказывается слабая личность, не пользующаяся поддержкой большинства субъектов политики.

Умеренная президентская модель предполагает относительно сбалансированное разделение властей при незначительном усилении полномочий президента за счет парламента, как правило, не предусматривается досрочное прекращение полномочий и роспуск парламента при сохранении возможности импичмента президента.

Полупрезидентство (по терминологии М. Дюверже и Дж. Сартори) или президентско-премьерская республика (по терминологии М. Шугарта) рассматривает президента, избранного на основе всеобщего голосования

на определенный фиксированный срок в качестве главы государства, однако президент разделяет исполнительную власть с премьер-министром, при этом глава кабинета относительно независим от президента.

Еще одна гибридная форма – президентско-парламентская республика – предполагает всенародное избрание главы государства, его существенные полномочия, наличие премьер-министра и одновременно утверждение всех или, по крайней мере, ключевых министров парламентом, что дает возможность избежать крайностей как президентской, так и парламентской модели.

В соответствии с полномочиями ветвей власти, закрепленными в конституции, все президентские республики можно отнести к одной из четырех моделей, однако на практике в зависимости от личности президента и партийного состава парламента такое деление может оказаться достаточно условным. В этой связи известный уругвайский исследователь Х. Лансаро предлагает уточнить типологию президентской формы правления на основе использования дополнительных переменных, подразделяя как президентские, так и парламентские режимы на мажоритарные и плюралистические. При мажоритарном президентском режиме глава государства пользуется исключительными полномочиями и концентрирует в своих руках полноту власти, при плюралистической системе де-юре и де-факто он вынужден делиться властью, соблюдать систему сдержек и противовесов, поскольку властные полномочия распределяются между различными политическими институтами и субъектами политики. В результате при принятии решения глава государства вынужден добиваться консенсуса и идти на необходимые компромиссы. Не всегда в эту схему вписываются популистские лидеры, принадлежащие к мажоритарным, однако отличающиеся по формам легитимации и способам осуществления политической власти [41, с. 15-16].

Опираясь на классические труды Р. Диксона и А. Лейпхарта, при определении степени концентрации власти в руках главы государства Х. Лансаро основывается на четырех переменных:

1) баланс полномочий между президентом и парламентом, определяемый конституционными нормами и другим законодательством, а также межпартийными отношениями;

2) степень децентрализации и автономии, т.е. взаимоотношения между центром и субъектами федерации или между центром и террито-

риально-административными единицами, их относительная политическая и финансовая независимость;

3) особенности функционирования других институтов, в первую очередь регулирующих и контрольных органов (в эту переменную, на наш взгляд, можно было бы включить также избирательные институты, конституционный и верховный суд – З.И.), которые либо зависят от той или иной ветви власти (чаще исполнительной), либо автономны и образуют своего рода треугольник;

4) конфигурация партийно-политической системы, степень ее институционализации, возможность формирования партийного правительства, уровень фрагментации и политической поляризации, роль партий в принятии решений и т.д. [28; 35; 41].

Коалиционные правительства характерны в большей степени для парламентской формы правления, однако необходимость поиска компромисса и заключения коалиций не исключается и при президентской модели. В последнем случае речь идет о предвыборных альянсах и соглашениях, возможности участия в правительстве представителей других партий и фракций, тактических компромиссах президента с руководством парламентских фракций во время прохождения того или иного законопроекта. Коалиции носят более стабильный характер и заключаются, как правило, во время избирательных кампаний на весь срок правления главы государства.

После провозглашения независимости в ибероамериканских государствах под влиянием США сложились различные варианты президентской формы правления, основанной на принципе разделения властей и системе сдержек и противовесов. В процессе перехода от авторитаризма к демократии архитекторы реформ восстановили те или иные формы президентских республик. На принятие соответствующего решения несомненное воздействие оказали исторические традиции и особенности политической культуры, связанные с каудильизмом и касикизмом, персонифицированностью власти и политической ответственности. Важную роль сыграли и социально-экономические факторы, поскольку в большинстве стран (за исключением Чили) переход к демократии осуществлялся в условиях экономического кризиса.

Ряд политических режимов в силу предоставленных главе государства конституционных полномочий (Мексика, Перу) политической практики

(Боливия) или обоих факторов (Венесуэла) с известной долей условности можно отнести к гиперпрезидентским республикам. Большинство остальных стран представлено умеренной президентской формой правления.

В конце прошлого – начале нынешнего века типичным образцом конституционного гиперпрезидентства могла считаться мексиканская политическая система, которая, несмотря на регулярное проведение выборов, мирную передачу власти, политический плюрализм и другие формальные признаки представительной демократии, не без основания квалифицировалась некоторыми отечественными и зарубежными политологами и юристами как конституционный авторитаризм. Вплоть до всеобщих выборов 2000 г. практически неограниченная власть мексиканского президента базировалась на гегемонистской партийной системе и фактическом сращивании и переплетении партийных и государственных функций. Бесспорно правившая до 2000 г. и вновь вернувшаяся к власти в 2012 г. Институционно-революционная партия (PRI) превратилась в своего рода КПСС и стала ядром политической системы, хотя ее полномочия и функции формально не закреплены в конституции. Будучи неформальным лидером PRI, президент мог использовать мощную партийную машину во время избирательной кампании и обладал возможностью полностью контролировать законодательную власть. Подавляющее большинство губернаторов штатов и других руководителей местной власти также были членами правящей партии. Мексиканская конституция не допускает переизбрания президента на второй срок, однако, пользуясь неограниченным административным ресурсом, главы государства в течение длительного периода определяли и обеспечивали переизбрание своих преемников. Подобная система смены власти получила образное название «указующего перста» («dedazo»).

Демократизация политической системы Мексики, в конечном счете обеспечившая возможность прихода к власти оппозиции, связана с изменением партийного и электорального законодательства, превращением доминантной партийной системы в трехпартийную, обеспечением прозрачности и конкурентности выборов, независимостью Федерального избирательного института от исполнительной власти, диверсификацией состава парламента, изменением отношений между центром и субъектами федерации, вызванным победой на губернаторских выборах представителей оппозиции и т.д. [1, с. 228-259; 2]

Существовавшие ранее отдельные элементы коалиционного и консенсусного президентства заметно усилились при президентах В.Фоксе (2000 – 2006) и Ф.Кальдероне (2006 – 2012).

Конституционные реформы привели к созданию гиперпрезидентских республик с сильными авторитарными тенденциями в Перу и Венесуэле, где заметно усилены полномочия главы государства. Так, в Перу президент получил возможность распускать парламент и Верховный суд, он является верховным главнокомандующим вооруженными силами и национальной полицией, ему было предоставлено право на повторное переизбрание, а закон о подлинной интерпретации конституции дал возможность тогдашнему президенту А. Фухимори избираться на третий срок. (После ухода А. Фухимори возможность непосредственного переизбрания президента не допускается) [24]. В Венесуэле срок полномочий президента увеличен до 6 лет, главе государства предоставлено право непосредственного переизбрания на второй срок, а после референдума 2009 г. – неограниченное число раз. Президент может распустить Национальную ассамблею, назначает исполнительного вице-президента, руководящего Государственным советом и Федеральным правительственным советом, и (с предварительного согласия парламента) Генерального прокурора [3, с. 67-68].

Усилению авторитарных тенденций способствовали и широкая популярность и личностные качества тогдашнего президента Перу А.Фухимори и нынешнего президента Венесуэлы У. Чавеса. В Боливии и Эквадоре широкие полномочия исполнительной власти связаны в первую очередь с ключевой ролью государственного сектора в экономике и, соответственно, с возможностью распоряжаться по своему усмотрению государственной собственностью.

Благодаря особенностям политической культуры и политического сознания во многих странах гиперпрезидентские режимы нередко устанавливаются на неопопулистской основе. В данном случае, как отмечает Х. Лансаро, в отличие от традиционного популизма, они не всегда опираются на массовые организации, часто носят непартийный или даже антипартийный характер [40, с. 30]. Пользуясь поддержкой населения, неопопулистские лидеры часто идут на резкую смену политического и экономического курса и даже готовы демонтировать существовавшую ранее политическую систему. В большей степени подобные режимы

характерны для стран с традиционной политической культурой и сохраняющимися общинными традициями, высокой долей индейского населения, более низким уровнем образования и экономического развития, однако при определенной конъюнктуре неопопулисты могут прийти к власти не только в подобных государствах. Принято считать, что популистские режимы носят националистический характер, нередко им присущи поиски альтернативных путей, «третьего пути» или обновленной модели социализма (Х. Веласко Альварадо в Перу (1968 –1975), а в конце прошлого и начале нынешнего века – У. Чавес в Венесуэле, Л. Гутьеррес и Р. Корреа в Эквадоре, Э. Моралес в Боливии), однако популистские черты характерны и для многих модернизаторских режимов, проводивших неолиберальную политику (Ф. Коллор ди Меллу в Бразилии, А. Фухимори в Перу, К. С. Менем в Аргентине, А. Урибе в Колумбии и т.д.).

В соответствии с первой и второй моделями в абсолютном большинстве случаев президент остается главой государства и правительства, лично формирует состав кабинета министров и несет политическую ответственность за общее управление страной. Как правило, в состав правительства входят представители правящей партии, однако для обеспечения парламентского большинства или сохранения политической стабильности президент может назначать на руководящие должности в системе исполнительной власти и представителей других партий. В большинстве случаев министры не несут политической ответственности перед парламентом [8; 10; 41].

В отличие от остальных ибероамериканских стран в Аргентине президент назначает главу кабинета министров, сместить которого можно большинством обеих палат конгресса, в Перу – председателя Совета министров. В Перу председатель Совета министров назначается и смещается президентом, в Аргентине глава кабинета также не нуждается в одобрении конгресса, однако может быть смещен по решению депутатов. В обоих случаях состав кабинета формируется президентом с учетом рекомендаций премьер-министра. Официально главой исполнительной власти остается сам президент, который может созвать кабинет, председательствовать на его заседаниях и решает ключевые вопросы. По традиции в Аргентине большими полномочиями внутри кабинета обладает министр экономики [19, с. 100; 24, с. 121-122]. По мнению большинства аналитиков, в обоих случаях глава кабинета на деле явля-

ется еще одним министром, который, независимо от имеющихся полномочий, находится в абсолютной зависимости от президента [39; 46]. Таким образом, речь не идет о третьей модели (президентско-премьерской форме правления), поскольку возможности обоих «квазипремьеров» принимать самостоятельные решения крайне ограничены.

На практике президентско-премьерская республика существует только на Гаити, где взята на вооружение французская модель, в соответствии с которой премьер-министр в случае временной или полной недееспособности президента исполняет его функции, вместе с президентом формирует состав кабинета министров и координирует его деятельность [27].

Конституционные реформы сохранили за президентами достаточно широкие полномочия. В качестве главы государства он олицетворяет нацию и определяет основные векторы внутренней и внешней политики, заключает договоры с иностранными государствами, выступает гарантом конституции и правового государства и является главой исполнительной власти. В его полномочия входит присвоение высших воинских званий и назначение ряда высших должностных лиц – генерального прокурора, генерального аудитора, председателя и директоров Центрального банка (в ряде стран – по предложению или с одобрения парламента или его верхней палаты). Президент может вмешиваться в экономическую деятельность и контролировать работу институтов, представляющих общественный интерес. В ряде стран за ним сохранилось право назначения губернаторов.

Президенту предоставляются полномочия верховного главнокомандующего вооруженными силами, он обеспечивает внутреннюю безопасность, стабильность и территориальную целостность страны, гарантирует ее суверенитет. В случае стихийных бедствий, внутренней нестабильности, иностранной агрессии или состояния войны президент может вводить чрезвычайное, осадное или военное положение и получает дополнительные полномочия, ограничивающие деятельность законодательной власти (в некоторых странах чрезвычайные меры нуждаются в утверждении парламента или его верхней палаты), разрешает временное пребывание иностранных войск на национальной территории.

В определенной степени президент осуществляет и законодательскую деятельность – издает декреты и выступает с законодательной инициативой, представляет на рассмотрение конгресса государственный

бюджет, следит за исполнением налоговой политики и распределением национального дохода и инвестиций, обеспечивает реализацию социальных программ. Глава государства влияет на законодательную деятельность и посредством президентского вето, применимого как к целому закону, так и к отдельным его положениям, определяет очередность или предлагает сроки прохождения законопроекта, имеет право созывать парламент на чрезвычайные сессии или продлевать его работу, а в отдельных случаях (Перу, Боливия) и распускать конгресс. Глава государства может выступить с инициативой проведения плебисцитов и референдумов. Члены кабинета участвуют в парламентских дебатах.

В какой-то мере президент влияет и на судебную власть, поскольку в ряде случаев участвует в формировании Верховного суда, имеет право на предоставление амнистии и смягчение наказаний.

Одной из наиболее дискуссионных проблем структуры исполнительной власти является наличие поста вице-президента, который предусматривается во всех президентских республиках, за исключением Мексики (в Панаме, Коста-Рике и Перу – два, в Гондурасе – три.). В Аргентине вице-президент одновременно является председателем Сената, в Чили на председателя верхней палаты возлагаются обязанности вице-президента в случае необходимости.

Как показывает международный опыт, в президентских республиках вице-президент исполняет обязанности президента в случае досрочного прекращения по тем или иным причинам полномочий главы государства, Часто вице-президент является представителем коалиционной партии, и его кандидатура должна обеспечить претендентам на высшие посты в государстве максимальное количество голосов. На вице-президента возлагаются в основном протокольные обязанности (получение верительных грамот, прием иностранных послов, вручение государственных наград и т.д.).

В большинстве латиноамериканских стран должность вице-президента создана в основном для чрезвычайных ситуаций, в обычных обстоятельствах его обязанности определены недостаточно четко. Функции вице-президента очерчены в Венесуэле: на исполнительного вице-президента, назначаемого президентом, фактически возложены и многие обязанности премьер-министра (руководство Государственным советом, имеющим консультативные функции при президенте, регули-

рование отношений между центром и субъектами федерации, совместное с президентом руководство работой правительства, предложение по назначению и смещению министров, председательство на заседаниях Совета министров после предварительного разрешения президента) [20, с. 238-241]. В Парагвае вице-президент представляет президента на национальном и международном уровнях, участвует в заседаниях Совета министров и координирует взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью. В Аргентине вице-президент (председатель Сената) имеет право голоса при равномерном распределении голосов. Бразильская и перуанская конституции не конкретизируют полномочия вице-президента. Наиболее парадоксальный факт произошел в свое время в Колумбии, когда вице-президент, не имевший четких обязанностей внутри страны, был назначен послом в Испании.

Тем не менее, можно привести и немало положительных примеров, когда вице-президенты в кризисных ситуациях становились главами государства и в какой-то мере обеспечили преемственность власти и хотя бы временную стабилизацию. Так, в Бразилии вице-президенты дважды становились главой государства (Ж. Сарней после смерти Т. Невиса в 1985 г. и И. Франку после импичмента Ф. Коллора в 1992 году), в Парагвае – Ф. Франко после отставки Ф. Луго в 2012 году. Если подбор кандидатуры вице-президента вызван конъюнктурными причинами, он представляет собственную партию, другую фракцию правящей партии или является сильной личностью с собственными политическими амбициями, конфликт между главой государства и его заместителем может привести к осложнению внутривластной ситуации.

Важным элементом политической стабильности, особенно при отсутствии парламентского большинства президентской партии, в ряде случаев становится коалиционное президентство. В качестве положительного примера нередко приводится Бразилия, политическая система которой базируется на сильной, но сбалансированной президентской власти, многопартийной системе, пропорциональном представительстве и сильном федерализме. Учитывая фрагментацию Национального конгресса, многие президенты были вынуждены проводить компромиссную и гибкую политику, направленную на поиск консенсуса, чаще всего им удавалось добиваться успеха на этом поприще. Тем не менее в бразильском случае «чистота эксперимента» нарушается заключением бесприн-

ципных межпартийных союзов, противоречащих идеологическим установкам их участников, отсутствием императивного вотума и регулярным переходом депутатов из одной парламентской фракции в другую.

Более четко коалиционное президентство функционирует после восстановления демократии в Чили. Существующая биномальная система, ограничивающая политическое представительство двумя блоками, подвергается резкой критике со стороны миноритарных (преимущественно левых) партий, однако именно эта модель обеспечила политическую стабильность страны, консолидацию демократии и преемственность экономической политики в постпиночетовский период. Примечательно, что в Объединение партий за демократию (CPPD) вошли левые и центристские партии, бывшие ранее соперниками или даже противниками, а в правый Союз ради Чили (UPCh) – бывшие сторонники А. Пиночета, отмежевавшиеся впоследствии от его репрессивной политики. В условиях биномальной системы президент опирается на поддержку правящей коалиции, однако нередко вынужден идти на компромисс и с правой оппозицией. В случае отмены биномальной модели возможны перегруппировка политических сил и возникновение новых альянсов, при этом консолидации демократии уже ничто не угрожает.

Самое широкое распространение политика компромиссов получила в Уругвае: политическая целесообразность способствовала использованию различных форм коалиций и в конечном счете изменила политическую систему в целом. В процессе борьбы за политическую власть правящий ныне Широкий фронт (FA), представляющий коалицию левых и левоцентристских сил, превратился в единый субъект политики и обеспечил победу Т. Васкеса на президентских выборах 2004 года. Одновременно соперничавшие ранее традиционные партии Бланко и Колорадо были вынуждены пойти на политический союз. В перспективе уругвайская трехпартийная система вновь может трансформироваться в двухпартийную на новой основе [14].

Как показывает негативный опыт Боливии, политическая целесообразность не должна принимать крайние формы. До Конституции 2009 г. электоральное законодательство предусматривало вместо второго тура избрание президента конгрессом. В результате пропрезидентские коалиции неизменно превращались в правящие, что в течение продолжительного периода обеспечивало политическую стабильность. Тем не менее,

эволюция Левого революционного движения (MIR) и правого Националистического демократического действия (ADN) в сторону центра привела к стиранию различий между этими партиями и центристским Националистическим революционным движением (MNR). В результате, как считает Х. Лансаро, партии утратили функции агрегации, боливийская политическая система стала жертвой политической и идеологической конвергенции, существовавшая партийная структура рухнула и на авансцену вышли новые популистские движения [40, с. 39]. В какой-то мере коалиционное президентство проявляется в Аргентине, Колумбии и других странах.

Конституционные преобразования затронули и парламенты. В президентских республиках на Национальный конгресс возлагаются три основных функции: законотворчество, контроль над исполнительной властью и представительство интересов различных политических сил и социальных групп. До конституционных реформ латиноамериканские парламенты, за небольшим исключением, были скорее представительской, чем эффективно действующей частью политической системы, и не выполняли в должной мере ни одной из возложенных на них функций. Авторитет парламентов оставался довольно низким, они не считались подходящим местом для политической карьеры. За прошедшие десятилетия парламенты пока еще не стали ключевыми субъектами политики во время принятия решений, однако их роль постоянно возрастает. Национальные конгрессы постепенно становятся центром политических и экономических дебатов по важнейшим проблемам развития, принимают активное участие в разработке финансовой, бюджетной и налоговой политики, следят за исполнением годового бюджета, заслушивают и утверждают отчет президента, заметно активизировалась их законотворческая деятельность, усилился их контроль над исполнительной властью.

В Аргентине, Боливии, Бразилии, на Гаити, в Доминиканской Республике, Колумбии, Мексике, Парагвае, Уругвае и Чили законодательная власть представлена двухпалатными, в остальных ибероамериканских странах – однопалатными Национальными конгрессами. В федеративных государствах Сенат выражает интересы субъектов федерации, в унитарных – административных единиц, Палата депутатов (представителей) – общенациональные интересы. В ряде стран обе палаты занимаются законотворчеством, и каждая из них может выступать в качестве контрольной.

В Колумбии в исключительную компетенцию конгресса перешли ключевые экономические вопросы, Национальный конгресс определяет структуру и полномочия министерств и ведомств и других административных органов. В случае необходимости предоставляются чрезвычайные полномочия президенту, однако в любое время и по собственной инициативе конгрессмены могут пересмотреть президентские указы, ратифицировать либо денонсировать договоры и соглашения, заключенные представителями исполнительной власти с государственными и частными компаниями, иностранными державами и международными организациями. Усились и контрольные функции конгресса, который получает право заслушивать государственных чиновников и представителей частного сектора, физических и юридических лиц, имеет возможность освобождения министров от занимаемой должности в случае их некомпетентности и допущенных правонарушений. В то же время новая конституция более четко определяет критерии профессиональной непригодности конгрессменов и несоответствия их занимаемой должности, а также предоставляет избирателям возможность отзыва депутатов и сенаторов [5, с. 97-107].

Положительные тенденции наблюдаются и в других странах. В Аргентине улучшилось политическое представительство в Сенате – от каждой провинции избираются три сенатора, два от мажоритарной партии и один от следующей за ней по числу голосов политической силы (первого меньшинства). Для обеспечения пропорционального представительства политических сил в Парагвае сенаторы избираются по единому общенациональному округу, однако в данном случае они не представляют свои округа и территории. В какой-то мере функции представительства регионов закрепляются за Палатой депутатов.

Как упоминалось выше, резкое ослабление законодательной власти произошло в Перу и Венесуэле, где в результате конституционных реформ были упразднены верхние палаты парламента [20, с. 186; 24, с. 90]. Новое партийное законодательство существенно ограничило политическое представительство, ослаблены и контрольные функции конгресса.

В условиях т.н. разделенной власти, когда президентская партия не обладает парламентским большинством, прохождение президентских и правительственных законопроектов сопряжено с определенными трудностями. Конгресс может преодолеть президентское вето (в Бразилии – большинством голосов на совместном заседании обеих палат). Парламенты могут устанав-

ливать физическую или умственную недееспособность президента, выдвигать конституционные обвинения против главы государства и добиваться его импичмента. Широкими полномочиями пользуются парламентские комиссии.

Таким образом, как показывает анализ форм правления и полномочий ветвей власти, на практике наблюдается крайняя гетерогенность политических режимов, которые постоянно эволюционируют и модифицируются и не вписываются в традиционные шаблоны. Результаты этой эволюции далеко не однозначны: в некоторых странах речь идет о расширении политического плюрализма и поисках консенсуса, в других де-факто сохраняются и даже усиливаются авторитарные тенденции. На практике нередко важную роль играют по-прежнему неписанные правила и нормы поведения, действующее законодательство носит формальный характер, широко применяются не закрепленные в конституциях средства и методы. Более того, при опоре на традиционную политическую культуру пришедшие к власти демократическим путем популистские лидеры могут добиться проведения конституционной реформы в своих интересах. В результате сложного взаимодействия субъективных и объективных факторов в большинстве стран в той или иной степени заметен разрыв между зафиксированным в конституциях государственным строем и существующей политической практикой.

Литература

1. Боровков А.Н., Шереметьев И.К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М., 1999.
2. Визгунова Ю.И. Мексика: метаморфозы демократии // Латинская Америка, 2007. №2.
3. Дабагян Э.С. Венесуэла: кризис власти и феномен Уго Чавеса. М., 2000.
4. Дабагян Э.С. Венесуэла: траектория политического процесса. М., 2011.
5. Ивановский З.В. Колумбия: государство и гражданское общество. Опыт экономических и политических реформ в условиях нестабильности. М., 1997.
6. Колумбия: обнадеживающие перемены. М., 2011.
7. Латиноамериканская панорама. Июнь 2012. URL: www.ilaran.ru (дата обращения 01.09.2013).
8. Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы / Отв. ред. З.В. Ивановский. М., 2000.
9. Мишель Бачелет: Бороться с «эпидемией неравенства». Интервью президента Республики Чили // Латинская Америка, 2007. №3.

10. Орлов А.Г. Президентские республики в Латинской Америке. М., 1995.
11. Слинько А.А. Переход к демократии в условиях террористической войны и политической нестабильности. Воронеж, 2005.
12. Современная общественная мысль / Отв. ред. З.В. Ивановский. М., 2000.
13. Ткаченко В.А. Феномен Фухимори. Авторитаризм versus демократия. М., 2002.
14. Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены. М., 2010.
15. Blaustein A.R., Flanz G.H. Constitutions of the Countries of the World. Brazil. Supplement. New York, 1992.
16. Building Democratic Institutions. Party Systems in Latin America / Ed. by S. Mainwaring, T. Scully. Stanford, 1995.
17. Constitución de la Nación Argentina 1994. Santa Fe, 1994.
18. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela 1999. Caracas, 1999.
19. Constitución de la República de Colombia 1991 con reformas hasta 2005. Bogotá, 2005.
20. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos 1917. Texto vigente al 25 de junio de 2009. México, 2009.
21. Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia 2009. La Paz, 2009.
22. Constitución Política del Perú 1993. Lima, 1993.
23. Constituição. República Federativa do Brasil 1988. Brasília, 1988.
24. Constituinte e democracia no Brasil hoje. São Paulo, 1985.
25. Constitution de la République d'Haïti. 29 mars de 1987. Port-au-Prince, 1987.
26. Dixon R. Democratic Representation: Reapportionnement in Law and Politics. New York, 1968.
27. Executive Decree Authority / Ed. by J. Carey, M. Shugart. Cambridge, 1998.
28. Fernández Segado F. El Federalismo en América Latina. México, 2004.
29. Gobierno de Chile. URL: www.gobiernodechile.cl (дата обращения 01.09.2013).
30. Institutional Design of New Democracies. Comparative Perspectives from Central-Eastern Europe and Latin America / Ed. by A. Lijphart, C. Waisman. Boulder, 1996.

31. Iwanowski Z. Democratization in Latin America and Russia: a Comparative Analysis. San Diego, 1996.
32. La Constitución de 1991: un pacto político viable? Ed. por J. Dugas. Bogotá, 1993.
33. Lijphart A. Patterns of Democracy. New Haven, 1987.
34. Lijphart A.. Electoral Systems and Party Systems. New York, 1995.
35. Mainwaring S., Shugart M. Presidentialism and Democracy in Latin America. Cambridge, 1997.
36. Mansilla H.C.F. Para entender la Constitución Política del Estado. La Paz, 2005.
37. Onaidía J.M. La Constitución de los argentinos. Análisis y comentario de su texto luego de la reforma de 1994. Buenos Aires, 1994.
38. Presidencialismo, sistema de partidos y reforma política. Cuatro enfoques desde América Latina. La Paz, 2004.
39. Presidentialism and Democracy in Latin America /Ed. by S.Mainwaring, M.S.Shugart. Cambridge, 1997.
40. Shugart M., Carey J. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. New York, 1992.
41. The Failure of Presidential Democracy. Baltimore, 1994.
42. The Struggle for the Democracy in Chile / Ed. by P. Drake, I. Jaksic. Lincoln – London, 1995.
43. Tipos del presidencialismo y coaliciones políticas en América Latina / Ed. por J. Lanzaro. Buenos Aires, 2001.
44. Transformación de los sistemas políticos de América Latina / Ed. por W. Hofmeister, J. Thesing. Buenos Aires, 1995.
45. Zovatto D., Marulanda I., Lizarazo A., González R. Democracia directa y referéndum en América Latina. La Paz, 2004.

References

1. Borovkov A.N., Sheremet'ev I.K. Meksika na novom povorote ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya. M., 1999.
2. Vizgunova Yu.I. Meksika: metamorfozy demokratii. Latinskaya Amerika, 2007. №2.
3. Dabagyan E.S. Venezuela: krizis vlasti i fenomen Ugo Chavesa. M., 2000.
4. Dabagyan E.S. Venezuela: traektoriya politicheskogo protsessa. M., 2011.

5. Ivanovskii Z.V. Kolumbiya: gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo. Opyt ekonomicheskikh i politicheskikh reform v usloviyakh nestabil'nosti. M., 1997.
6. Kolumbiya: obnadezhivayushchie peremeny. M., 2011.
7. Latinoamerikanskaya panorama. Iyun' 2012. URL: www.ilaran.ru (data obrashcheniya 01.09.2013).
8. Latinskaya Amerika i Kariby. Politicheskie instituty i protsessy. Otv. red. Z.V. Ivanovskii. M., 2000.
9. Mishel' Bachelet: Borot'sya s «epidemiey neravenstva». Interv'yu prezidenta Respubliki Chili. Latinskaya Amerika, 2007. №3.
10. Orlov A.G. Prezidentskie respubliki v Latinskoj Amerike. M., 1995.
11. Slin'ko A.A. Perekhod k demokratii v usloviyakh terroristicheskoi voyny i politicheskoi nestabil'nosti. Voronezh, 2005.
12. Sovremennaya obshchestvennaya mysl'. Otv. red. Z.V. Ivanovskii. M., 2000.
13. Tkachenko V.A. Fenomen Fukhimori. Avtoritarizm versus demokratiya. M., 2002.
14. Urugvai v kontekste levogo dreifa: preemstvennost' i peremeny. M., 2010.
15. Blaustein A.R., Flanz G.H. Constitutions of the Countries of the World. Brazil. Supplement. New York, 1992.
16. Building Democratic Institutions. Party Systems in Latin America. Ed. by S. Mainwaring, T. Scully. Stanford, 1995.
17. Constitución de la Nación Argentina 1994. Santa Fe, 1994.
18. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela 1999. Caracas, 1999.
19. Constitución de la República de Colombia 1991 con reformas hasta 2005. Bogotá, 2005.
20. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos 1917. Texto vigente al 25 de junio de 2009. México, 2009.
21. Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia 2009. La Paz, 2009.
22. Constitución Política del Perú 1993. Lima, 1993.
23. Constituição. República Federativa do Brasil 1988. Brasília, 1988.
24. Constituinte e democracia no Brasil hoje. São Paulo, 1985.
25. Constitution de la République d'Haïti. 29 mars de 1987. Port-au-Prince, 1987.

26. Dixon R. *Democratic Representation: Reapportionnement in Law and Politics*. New York, 1968.
27. *Executive Decree Authority*. Ed. by J. Carey, M. Shugart. Cambridge, 1998.
28. Fernández Segado F. *El Federalismo en América Latina*. México, 2004.
29. Gobierno de Chile. URL: www.gobiernodechile.cl (data obrashcheniya 01.09.2013).
30. *Institutional Design of New Democracies. Comparative Perspectives from Central-Eastern Europe and Latin America*. Ed. by A. Lijphart, C. Waisman. Boulder, 1996.
31. Iwanowski Z. *Democratization in Latin America and Russia: a Comparative Analysis*. San Diego, 1996.
32. *La Constitución de 1991: un pacto político viable?* Ed. por J. Dugas. Bogotá, 1993.
33. Lijphart A. *Patterns of Democracy*. New Haven, 1987.
34. Lijphart A.. *Electoral Systems and Party Systems*. New York, 1995.
35. Mainwaring S., Shugart M. *Presidentialism and Democracy in Latin America*. Cambridge, 1997.
36. Mansilla H.C.F. *Para entender la Constitución Política del Estado*. La Paz, 2005.
37. Onaidía J.M. *La Constitución de los argentinos. Análisis y comentario de su texto luego de la reforma de 1994*. Buenos Aires, 1994.
38. *Presidencialismo, sistema de partidos y reforma política. Cuatro enfoques desde América Latina*. La Paz, 2004.
39. *Presidentialism and Democracy in Latin America*. Ed. by S. Mainwaring, M.S. Shugart. Cambridge, 1997.
40. Shugart M., Carey J. *Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics*. New York, 1992.
41. *The Failure of Presidential Democracy*. Baltimore, 1994.
42. *The Struggle for the Democracy in Chile*. Ed. by P. Drake, I. Jaksic. Lincoln – London, 1995.
43. *Tipos del presidencialismo y coaliciones políticas en América Latina*. Ed. por J. Lanzaro. Buenos Aires, 2001.
44. *Transformación de los sistemas políticos de América Latina*. Ed. por W. Hofmeister, J. Thesing. Buenos Aires, 1995.
45. Zovatto D., Marulanda I., Lizarazo A., González R. *Democracia directa y referéndum en América Latina*. La Paz, 2004..